

Водовозов Н.В. История древнерусской литературы. М. : Просвещение, 1972 г.

Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя») // ТОДРЛ. Т. 38. – Л.: Наука, 1985. – С. 185–209.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М. : Наука, 1970. 178

Моисеева Г.Н. Автор Казанской Истории / Г.Н. Моисеева // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – 1953. – Т. 9. – С. 266-291.

Моисеева Г.Н. О некоторых источниках Казанской Истории / Г.Н. Моисеева // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – 1955. – Т. 11. – С. 187-198.

Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Минск : Научное издание, 1999.

Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. – СПб. : Евразия, 2016.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л. : Наука, 1988. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4006> (дата обращения 13.05.2019). В тексте статьи ссылка идет без указания страниц: [Словарь книжников и книжности Древней Руси].

***E. E. Mamkina* Tsarist power in “Kazan history”: word, image, opinion, assessment of the author**

The old Russian monument of the XVI century "Kazan history", dedicated to the conquest of Kazan. A talented writer tells about the events of the war. The author himself finds himself in a difficult situation – between two opposing authorities, different in Genesis, culture, religion, but United in his mind: being Russian, taken prisoner, he was associated with the Tatar elite for 20 years. Moreover, at the time of the creation of the text Kazan is already part of the Moscow Kingdom, which forces the author by means of poetics, to identify the positive aspects of the Tatar authorities associated with the development of new territories by the Kazan, to show the human qualities of the Kazan rulers, the courage and strength of the Tatars, to find common ground in the description of the Russian and Tatar worlds, beginning to form a single state. And the power of a single king throughout the territory – Ivan IV – is gracious and desirable, because it does not contradict the self-rule of the khans, and continues to play the same organizing role, but by God's blessing.

Keywords: Kazan history, Tatars, Kazan, Ivan the terrible, power.

Д. Е. Носкова,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Л.С. Соболева

Тема справедливости в повестях XVII века: сатирический жанр «судных дел»

Аннотация: Литература XVII в. воплощает представления о справедливости с новой юридической стороны, показывая состояние правосудия в XVII в. Авторы создают сатирические повести в форме «судных дел», в которых высмеивается современное им судопроизводство. Наиболее показательными текстами являются «Повесть о Ерише Еришовиче» и «Повесть о Шемякином суде». В статье исследуется, как авторы повестей раскрывают тему справедливости, представляя образы обвиняемого, судьи и других участников судебного процесса.

Ключевые слова: образ суда; история и литература; сатирические повести XVII в., судьба и справедливость

Литература тесно связана с историей и теми событиями, которые происходят в государстве и обществе в конкретное время. Исторический контекст играет одну из главных ролей в образовании новых образов, выбор тем, организацию сюжетов и т. п., талант писателя проявляется в чутком реагировании на окружающую действительность, стремлении разрешить для себя и для общества актуальные проблемы, будь то личностные, социальные или политические. Будучи одной из важнейших для человека, категория справедливости формируется как показатель связи человека и социума, следуя ей регулируются нормы поведения, оцениваются поступки и события. В средневековом европейском обществе, справедливость «интерпретировалась в понятиях теологии, которая оправдывала неравенство слоев» [Андриенко, 2017; 37]. Одна из граней решения проблемы справедливости соотносилась с судебными событиями, сам процесс суда в его историческом варианте находил воплощение в памятниках литературы. В Повестях XVII в. «Шемакин суд» и «О Ерше Ершовиче» на первый план выходит сатирическая оценка решения темы справедливости в суде. И хотя мы встречаем в повестях попытку «по-справедливости» разрешить конфликт между двумя сторонами, находящихся в разных социальных слоях, изображаемые ситуации выходят за категории христианской этики и показывают социальные противоречия феодального строя XVII в. в целом. Обращение к этой теме в сюжетно-образном воплощении происходит в русской литературе XVII в. в новом бытовом, далеком от теологии аспекте.

В литературе переходного этапа, как отметил Д. С. Лихачев, происходит противостояние двух начал – осознание читателем и писателем своей связи со вселенной, с мировой историей, излагаемой возвышенным стилем. Одновременно в литературе просыпается интерес к человеку как к таковому, в своей обыденности, в небольших масштабах [Лихачев 1986; 16]. И если в первом случае произведения наполнены чувством торжества, возвышенной риторикой, то во втором – тексты тяготеют к непритязательному изображению, снижаются до разговорного простого языка, стремятся к бытовой деловитости. Сатирические повести XVII в. создаются исходя из «второго» начала и обращаются к такой бытовой и драматической ситуации, как судебная тяжба. Авторы выносят на передний план своих произведений суд, как таковой, со всеми вытекающими из него определенными ролями и чертами самого процесса, но при этом, главная цель всего судопроизводства, а именно достижение справедливости, трактуется авторами как трудно достижимый результат.

В русской литературе сатирические повести XVII в. являются первыми, в которых изображение судопроизводства максимально похоже на суд в реальности: мы имеем назначенного судью, а не государя, который вершит правосудие над своими подданными или Бога, который наказывает народ за преступления. Можно предположить, что авторы были хорошо знакомы с судебной системой своего времени, а создатель «Повести о Ерше Ершовиче», скорее всего, рассказал о реальном процессе, переложив его на фольклорный лад. В одной из редакций повести обнаруживается, что стиль изложения близок к протоколу судебного заседания: вначале мы узнаем место действия, а также кто является судьей и судебными заседателями «лета 7105(1596) декабря в день было в большом озере Ростовском съезжались судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских предел, судные мужики Судок да Шука-трепетуха» [Русская демократическая сатира, 1954; 7. *Далее в скобках указаны стр. из этого издания.* – Д.Н.]. На протяжении всей повести поочередно дается слово стороне обвинителей – Лещу и Головлю, и обвиняемому – Ершу, приглашаются свидетели. Ерша обвиняют в том, что он обманом выжил Лещу и Головлю с их озера. Повесть заканчивается приговором Ерша к работе на Лещу в качестве крестьянина «взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от него впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омутом рыбным бить его кнутом нещадно» [13]. Ему не удалось обхитрить Лещу предложением «коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста» [13]. Да, Ерш Ершович получает

по своим заслугам, потому что как отмечают свидетели «Господа, люди добрые, а крестьяня они божи, а кормятся своею силою, а то Ершь щетина лихой человек, поклепщик бед, обманщик, воришко, мало к нему бывает, он таков, что змия ис-под куста глядеть» [10], но в этом замечании важно не то, что по мнению других он «лихой человек», а именно место обитания Ерша. Он находится на дне, но не на морском, а, вероятно, на самой низкой ступени социальной лестницы. Он пытается приватизировать землю обманным путём, потому что иначе он не может достигнуть какого-либо признания; он называет себя и своих предков «родом есьми аз истаринший человек, детишка боярские, мелких бояр по прозванию Вандышевы» [8], но получается, что обмануть пытался таких же, как он сам по социальному положению, крестьян – Леща и Головля, что говорит об позиции автора, не приветствующего достижение своих целей через обман себе подобных. Упоминание о своей принадлежности роду не помогает Ершу, поскольку «промыслу у них никакого нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей» [11]. В повести появляется еще две фигуры пострадавших рыб – это боярин и воевода Осетр Хвалынского моря и и Сом-воевода. Автор рисует их непривлекательно: «Сом воевода, уставя свою непригожую рожу широкою и ус раздуд» [12], который, скорее, по своей глупости страдает от Ерша, нежели из-за его лихоимства. Автор справедливо разрешает земельный спор, несмотря на явное пародирование судопроизводства. Подобное отношение другого автора выявляется и в Повести о Шемякином суде.

Название второй повести отсылает читателя к исторической личности – князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке, который пребывал одно время в Ростовской области в качестве наместника. В данном произведении автор основное внимание также уделяет конкретному судебному разбирательству, но сам процесс здесь происходит иначе, а результат не так явен, как в Повести о Ерше Ершовиче.

К судье Шемяке приходят два брата, бедный и богатый; второй обвиняет первого в том, что он навредил его лошади. По пути бедный брат задавливает сына попа, упав с печки, а пытаясь убиться, прыгает с моста и насмерть задавливает старика. Бедному брату удается подкупить судью камнем в платке, который судья счел за взятку, и выносит решение в пользу младшего брата. На первый взгляд кажется, что ни о какой справедливости здесь и речи не идет, но если мы рассмотрим образ бедного брата чуть конкретнее, то поймем, что мы можем говорить о правосудии в данной ситуации.

Перед нами персонаж, у которого нет ничего, «и того у тебя нет, что своего хомута» [20], – говорит о нем богатый брат. Но перед нами не просто бедняк, а человек с богатым близким родственником. А в суд они приходят, потому что богатый брат несправедливо поступает, отказывая в реальной помощи, что в народной этике является порицаемым поступком. Фактически он издевается над бедным, из этого происходят сопутствующие проблемы и все последующие иски в убогому. Бедный брат от безысходности идет на необдуманный поступок (случайно оторвав хвост у лошади). За вторым преступлением, убиением по неосторожности сына попа, также не стоит прямой вины бедного брата. Поп проявил неуважение к своему гостю, не пригласив его за стол и голодный «убогии же нача с полатеи смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатеи на зыпку и удави попова сына до смерти» [21]. Случайной жертвой становится старик, которого вез в баню сын под мостом в тот момент, когда пытался закончить свою жизнь самоубийством бедный брат. Его нельзя осудить за этот поступок, так как «бедныи же веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров» [21] решил на этот поступок в приступе отчаяния. Всех персонажей автор приводит к Шемяке, который оказывается продажным, на счастье бедному брату – судья воспринимает камень в шапке за взятку. В ходе всего судебного процесса, бедняк из-за продажности Шемяки выигрывает все три иска. Важно отметить, что бедный брат остается безнаказанным, хотя с позиции государственного правосудия он преступник. Но ведь на самом деле по жизненной логике и жизненной справедливости моральные преступники богатый брат и поп по их деяниям, отметим еще отсутствие милосердия у священника. С другой стороны, правосудие

свершается только путем подкупа судьи, который в свою очередь считает, что всё было правильно именно по тому, что он судил по богу, ведь «как бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб» [22]. Таким образом, невольно судья достигает скорее бытийной человеческой справедливости, нежели справедливости по государственным законам. Автор дает нам понять, что законы не всегда работают так, как предполагалось, земной суд не совершенен, ведь справедливого суда для самого незащищенного члена общества можно достигнуть лишь обманом. Широкая популярность «Повести» привела к тому, что выражение «Шемякин суд» стало пословицей, обозначающей неправосудие, или «кривосуд».

Повести XVII обладали большой популярностью в свое время, об этом говорит большое количество лубочных иллюстраций к данным текстом и существование их в рукописной традиции. Писатели обращаются к теме справедливости, но с оригинальной позицией для своего времени – люди больше не могут надеяться на божественную справедливость, так как суд свершает такой же человек как они сами, со своими грехами, а сами законы отстаивают форму, но не суть деяния. В случае суда Шемяки все благополучно разрешается для бедного брата только благодаря человеческому фактору. Но вот Ершу Ершовичу так и не удастся завладеть землей других крестьян, его дурная слава (т. е. общественное мнение) способствует восстановлению справедливости. Литература переживает изменения вместе с обществом, и вместе с ним же переосмысливает такие мировоззренческие ценности, как справедливость и пути ее достижения в конфликтных ситуациях. Тема остается актуальной для литературы последующих эпох, проявляясь в нарративных жанрах, комедии, публицистике. Опыт, обретенный литературой XVII в., использовавшей жанр судебного разбирательства окажется востребованным в дальнейшем.

Литература

Андриенко Е. В. Справедливость в социально-аксиологическом измерении // Культура и цивилизация. № 1(5). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 26. 03. 2019).

Демин А. С. «Имение»: социально-имущественные темы древнерусской литературы // Древнерусская литература: Изображение общества. – М. : Наука, 1991. С. 5 – 55.

История русской литературы XVII-XVIII веков. – М.: «Высшая школа». 1969. С 91–112.

Лихачев Д. С. Литература Древней Руси. URL: <http://halkidon2006.orthodoxy.ru> (дата обращения: 28.03. 2019).

Русская демократическая сатира XVII века / сост. В. П. Андрианова-Перетц. Москва – Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. 1954.

Титов А. А. Описание Ростова Великого. М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1891.

Черная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI – XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. – М. : Наука, 1991. С. 56-84.

Noskova D. E. Appeal to the theme of justice in the novels of the 17th century

Literature of the 17th century refers to the theme of judgment and justice. The authors provide a satirical novels in which mock modern justice. The most telling texts are «Povest' o Ershe Ershoviche» and «Povest' o SHemyakinom sude». This article examines how the authors reveal the theme of justice, represents the judge and participants in the trial.

Keywords: the image of the justice, literature 17th century, history and literature, satirical novels.